

Глава 1

Турово-Пинское княжество. Август 1130 г.

Хороший лучник может наделать немало дел... Особенно если его напарник неплохо метает нож. И пусть под ногами чужая земля, но — все дозволено... Мало того — проплачено...

Чу, что там за голоса? Ах, какие голубки... воркуют...

Так пусть льется кровь!

Да придет ад!

* * *

Как же хорошо на покосе! Погоды какие стоят дивные — ведро, солнышко светит, и вода в речке теплая, ветер же наоборот — прохладный, так что коси в свое удовольствие, маши косой да скидывай в скирды, стога свежее сено, пахнущее медвяным запахом лета. Лета, совсем еще даже не уходящего, июнь ныне выдался холодный, а июль — дождливый, так что, можно считать, лета еще толком и не было, хорошо хоть успели озимые убрать, потому нынче с хлебушком, да

и до нового урожая недалеко, колосится на полях жито, ждет серпа хлебороба... Правда, нынче в Ратном мало кто серпом жнет, все больше — косилкою.

— Говорят, такие косилки у ромеев еще были, в давние-предавние времена, — усевшись на бережку, прищурился молодой отрок.

Звали его Дмитром, из зажиточной семьи, волосы густые, соломенные, ноги босы, глаза серые, а взгляд — хитровато-влюбленный.

— Да ты садись, садись, Предслава, — тихо попросил Дмитр, искоса глянув на девушку — юную красавицу с синими, как васильки, очами и пышной темно-русой косой. Еще совсем девичьей, без ленты...

Ленту Дмитр как раз и припас — купил третьего дня у заезжих коробейников, атласную, синюю — как раз под цвет глаз. Вот и задумал сейчас подарить, отозвал деву в укромное место. Коли примет Предслава ленту, тогда... ухх! А коли не примет — увы...

Вечерело. Оранжево-золотистое солнце садилось за дальним лесом, тени клонившихся к самой воде ив протянулись почти до середины реки.

— Ты что так смотришь? — девушка уселась рядом, вытянув ноги к реке. Поправила на плечах накидку-запону, подпоясанную золотистым витым пояском, не простым — дорогим, шелковым, из тех, что привозят заморские гости-купцы из далекого Царьграда. Длинная белая рубаха почти что до щиколоток была по вороту, по рукавам, по подолу вышита красной нитью — оберег, отгонять злые силы, такой же оберег — и толстая девичья коса.

— Как это — так? — волнуясь, юноша достал из-за пазухи ленту...

Что-то хрустнуло совсем рядом, в кустах — то ли зверь лесной, то ли кто-то из младших — подсматривали.

На покосе было кому... Ну, ежели так — берегитесь! Уши-то оборвать недолго! А то ишь, повадились...

— Да нет там никого, — улыбнулась дева. — А коли есть — так пусть смотрят, завидуют.

— Я вот сейчас — камнем...

Отложив ленту в траву, Дмитр вскочил на ноги и, наклонившись над узкой песчаной полоской у самой реки, поднял подходящий камешек... Швырнул не глядя...

В кустах что-то звякнуло!

И тотчас же, немедленно, выскочили на берег двое — в коротких кольчугах, с мечами. Один — с луком — сразу же послал стрелу...

...угодив несчастному отроку прямо в сердце.

Ничего толком не поняв, парнишка повалился навзничь. Такая вот — незаметная — и случается иногда смерть...

Предслава же не успела и закричать, получив удар в челюсть...

Девушку убили не сразу, сперва придушили да позабавились... ну, а потом перерезали горло да разложили мертвые тела на берегу. Зачем? Почему не спрятали? Не бросили в реку, в кусты?

Видать, не нужно было прятать, не для того убивали... Ад!

— Ну, все, — подтянув штаны, один из злодеев — коренастый, с рыжеватой бородою и плоским носом, одернул кольчужку и глянул на своего напарника. Тот был помоложе: круглолицый, курносый с красными щеками и едва пробивавшейся щетиной.

— Все так все, — глянув на мертвую девушку, довольно ухмыльнулся круглолицый. — Ой, дядько Микул, ловко мы! И сладко... Так бы всегда бы... Жаль, не кричала... Я люблю, чтоб кричали...

— Сладко ему... — вытирая окровавленный нож о сорванную с девчонки запону, коренастый нехорошо ухмыльнулся и зыркнул глазами. — Ну, может, и еще сегодня свезет. Нарвемся на каких девок... И службу исполним — и себя потешим.

— От хорошо бы, дядько Микул!

— Хорошо и будет... Ты меня держись, паря!

— Дак а мы счас куда? — глянув на небо, озадачился краснощекий убийца. — Стемнеет скоро. Собаки, слышь, лают. В темноте-то я на стрелу не возьму. Эх, надо было б малого прихватить...

— Да уж лучше пусть на сторóже...

Оба прислушались. С покоса, что на заливном лугу, в трех перестрелах, доносился собачий лай.

— Туда не пойдем, — подумав, заявил Микул. — Слишком уж людно.

— А куда пойдем?

— А вот тут, Корост, мысли!

— Мысли... — хмыкнул курносый. — Да не умею я мыслить, дядько Микул. Ты у нас старшой, ты и мысли.

— А вот это ты верно сказал! Ладно, помыслю... — плосконосый озадаченно пригладил бороду.

— Дядько Микул...

Корост глумливо глянул на полуголую девушку. Окровавленная рваная рубаха ее бесстыдно оголяла тело, мертвые глаза недвижно смотрели в небо, залитое золотисто-алым закатом. Темнело.

— А можно я того... ну, еще потешусь, — с гнусной ухмылкой Корост кивнул на убитую деву. — Ну, не остыла ж еще...

— В крови измазюкаешься... Да и не время уж... — Микул, похоже, что-то придумал — мастак был на лишие дела.

— Так, дядько...

— Вот скажи, паря... Ты б посеичас, на вечерней-то зорьке, что делал?

— С девками бы...

— Тьфу ты! Да не про девок я!

— Ну, рыбу б ловил... — поковырялся в носу молодой.

— О! — старшой поднял вверх указательный палец. — И эти б должны ловить. Мелкота всякая. А нам что сказано? Любых, да покровавей!

— А коли собаки? — все же насторожился Корост. — Да и много их тут... Еще и стража...

— Ну, стражу-то мы обошли... Однако да — на помощь позвать могут. — Микул неожиданно ослабился, словно узрел что-то смешное. — Я ж тебя не понапрасну про рыбалку спросил. Где-то ведь у омутков кто-то сидеть должен, ловить.

— Да понял, понял... Только как же ж мы их сыщем-то, дядько? Я здешних-то омутков не ведаю.

— А костерок? — хитро прищурился лиходей. — Рыбу будут ловить, и что — без ущицы?

— Ох и голова ты, дядько Микул!

— А с собаками, ежели что, сладим... А нутко...

Микул вдруг потянул носом воздух и довольно хмыкнул:

— А вот и дымок! Что я говорил? Давай-ко вдоль речки пройдемся...

* * *

Четверо совсем уж молодых отроков ловили рыбу в омутке у дальнего плеса. Лет по десять-двенадцать, таким в полную силу стога метать еще трудновато, да и косить — тоже умения мало, а вот кашеварить да рыбу ловить — это завсегда, это пожалуйста.

Вообще же, хорошо на покосе. Не только работа, но и праздник. Обычно из нескольких деревень на покос собирались, вот как сейчас — молодые незамужние девушки, парни... Женихались, суженых себе присматривали — самое милое дело! Потому и одевались на покос по-праздничному. До вечера — на покосе, потом — хороводы, костры... Молодежь — сил-то много! Ночевали здесь же, в шалашах. Бывало, что и да — дети потом у незамужних девок рождались. Однако в том позора не видели, наоборот, раз родила — значит, справная девка, можно смело замуж брать. А вот если не дает Бог (или боги, тут уж кому как) ребеночка — кому такая нужна? Вот и сиди век старой девой, в полном презрении, ходи в девичьем до самой смерти, никому не нужная вековуха. Такие уж времена. К тому же еще — и двоеверие, Христос Христом, но и старых богов не забывали. А как тут же Макошь — мать сыру землю — ублажить? Совокуплениями, чтоб плодородной была земля, чтоб много чего рождалось...

Помешивая варившуюся в котелке уху, о том и толковал сейчас Котков Микитка. С важностью толковал, как и положено старшему.

— А вот ежели б не озимые, так и голодали б сейчас! — хитро прищурившись, перебил Микитку Кольша Хвосток. — Хоть сколько бы по весне парни с девками на межах любились. А озимые поля кто придумал? Михайла-сотник!

— То до Михайлы еще давние ромеи ведали, — пригладив вихры, все с той же важностью заметил Микита.

— Но у нас-то сотник все предложил! Ну, в Ратном... — Кольша не отставал. — А как не хотели все? Помните? Как ругались: наши предки так не делали и нам не нать!

— А ты откуда помнишь-то? Вот как сейчас дам! — старшой замахнулся ложкой.

— В школе говорили! — резко парировал Хвосток. — Наставники врать не станут! А вы в школу зря не ходите. Так неучами и будете, и в Младшую стражу вас не возьмут!

— Ой, а тебя, можно подумать, возьмут!

Микитка все же изловчился, треснул Кольшу ложкой в лоб, хорошо так треснул, со звоном! Однако Хвосток терпеть не стал, немедля же бросился на обидчика с кулаками. Едва не сбив котелок, оба упали в траву, покатались... на радость проснувшейся собачонке — Ревке — рыжему, с подпалинами, молодому псу, почти что щенку еще. Ох, тому-то и впрямь — в радость! Запрыгал, залаял, закрутил хвостом! Остальные же бросились разнимать драчунов.

— А ну-ка, хватит вам! Окститесь!

— Вот я вас сейчас — водицей!

— Хватит, кому сказано? А про тебя, Хвосток, все наставнику Филимону расскажем!

— Ой! Ухо, ухо... Пусти-и-и...

— А не будешь больше на людей бросаться почему зря?

— Пусти-и-и... больно...

Угомонились драчуны. Верней — растащили. Легота, дядьки Федота Лющика сын — один из тех, кто разнимал, — отвязал от пояса ложку, уху попробовал... улыбнулся:

— А готова ушица-то! Хвосток! Ты зачем к визиге ерша бросил?

— Так это... для навара, — озадаченно заморгал драчун.

Легота рассмеялся:

— Вот ведь дурень! Уха-то — визижья, зачем там ерш? Однако снидать давайте-ка...

— Ага, ага, — вспомнил про свое старшинство Микитка Котков, Кота Твердиславова, со славой погибшего в битве с ляхами, сынишка. — Садимся! Легота, Хвосток! Котел снимайте... Да осторожней вы!

— Уммм!

Вкусная ушица вышла, наваристая, да с кореньями — котелок на раз ушел. Да и так рыбалка сегодня сладилась — лежали уже в крапиве, на холодке, выпотрошенные язи, голавли, щуки и даже пара сомиков... Сорную рыбу — всяких там окуней, уклек и прочих — не брали, ловили рыбку нормальную, вкусную, и — чтоб не меньше локтя.

— Похвалят нас нынче, — дохлебывая ушицу, довольнo протянул Микитка. — Тут уж и на уху, и запечь...

— Эх, еще б хлебушка...

— Надо б рыбку Ревке бросить, как остынет... Ревка, Ревка! — поднявшись на ноги, громко позвал Хвосток. — Хм... А где Ревка-то?

И правда...

Ребята озадаченно переглянулись.

— Да тут был все время... Прыгал, лаял... Наверное, лису иль бурундука учуял — убежал.

— Прибежит, никуда не денется!

— Так, парни! — вновь распорядился Микита. — Сейчас — спим, а на утренней зорьке — половим. И чтоб мне не проспали!

— Да уж не проспим... Ревка, Ревка! Хм...

Поспать — скорее уж, немного вздремнуть — повалились здесь же, в траве...

— А рассказку страшную? — вспомнил вдруг самый младший, Флегонтий. — Кольша, ты ж обещал!

— Обещал — расскажу, — Хвосток обстоятельно покивал.

— Тихо вы! Спать не мешайте, — недовольно пробурчал старшой.

— Ничего, я шепотом... Так вот. В дальней-дальней стороне как-то давным-давно жили-были...

Мальчишки не спали — слушали. Даже Микитка — хоть и делал вид, что уснул...

И никто из них не заметил, как шелохнулся невдалеке, у реки, густой ракитовый куст. А ветра-то между тем не было. Чьи-то недобрые взгляды вскользнули по притихшим отрокам, едва заметным в свете догорающего костра... Потрескивая, шаяли угли...

— Начнем? — шепотом осведомился Корост, пинком сбросив в реку только что зарезанную собаку. Плеснула вода...

— Тихо ты! — доставая нож, дядько Микул злобно ощерился и шикнул на напарника.

— Рыба плещет! — прервав свой рассказ, негромко заметил Кольша. — Рядом где-то — на плесе...

— Похоже, крупная рыба, — Легота зевнул и потянулся. — Ты, Хвосток, рассказывай. Почто замолк?

— А вы слушаете?

— Слушаем, ага!

— Да тихо вы! Не мешайте спать!

— Ишь, спит он...

— Ага... Говори, говори, Кольша.

Потрескивали в костре угли, в черном небе мерцали холодные звезды. Притихшие ребята внимательно слушали рассказчика. Кто-то из них уже засыпал, кто-то — еще нет, но никто не догадывался, что злая старуха смерть уже распростерла над ними свои черные крылья.

— Пора! — глянув на звезды, тихо приказал Микул...

* * *

Коли б не юная красавица Звенислава, Твердило Лодочник (в крещении — Арсений) ни за что бы не согласился вернуться в родное село задолго до начала ярмарки или, как тогда называли, торжков. Спокойно бы трудился себе в Турове, на перевозе, отстегивал бы местному барыге Антипу, да жил бы себе не тужил. Как и было с тех пор, как Арсений, поссорившись с родителями, подался с весны «на отход» в Туров. Там пристал к артели, к лодочникам, с началом торгового сезона неплохие заработки пошли. Ну да, делиться пришлось — и со старостой лодочной артели Силантием, и с хитроvanом Антипом, тем еще выжигой, без которого никакие дела в Турове не делались — не решались. Антипа знали и побаивались все купцы, тот командовал соглядатаями для княжьих мытника и вирника. Поймает на каком-нибудь грешке купчишку мелкого, торговца или еще кого, кто на торгу или у пристаней постоянно обретается, но не наказывает, а велит все, что замечают, ему рассказывать: кто какой товар привез, почему продает, не укрыл ли чего от податей, не торгует ли запрещенным — много всякого. А потом мытник или вирник со стражниками налетят да либо виру возьмут разорительную, либо вообще весь товар в княжью казну заберут. А Антип с помощниками потом отнятый пролают — делят. Так-то вот! Ну нет в мире совершенства, о том Арсений прекрасно был осведомлен.

Так вот дела и шли, можно даже сказать — неплохо, удалось скопить-отложить с пяток гривен. Можно было и больше — так ведь артель! Без артели-то как? Даже в городке одиночкой не выживешь.

Пять гривен... и не каких-нибудь гривен кун, а настоящих серебряных! В той гривне — десять ногат, за

шесть ногат на базаре козу купить можно, за пять же гривен кун (не серебряных!) хорошую рабыню купить можно! Может, и взаправду было — купить? Купить, да и забыть хотя бы на время о сероглазой красавице Звениславе! Которая, к слову сказать, в прошлое лето путалась с рыжим дружинником Велимудром из Нинейной веси. Нынче рыжий в фаворе — Младшей стражи десятник! Сам Михайла-сотник ему покровительство оказывает, привечает... вот ведь незадача какая! Михайла — не просто Младшей стражи сотник, за ним сам воевода стоит — дед его, Корней Агеич Лисовин, а он, по сути, все родное село — Ратное — держит, как в Турове хитрован Антип — пристань. Вот и попробуй тут...

С другой стороны, ленты Велимудр-Велька Звениславе как раз в то лето и подарил... или уже ближе к осени, кто как говорил. Подарить-то подарил, да вот со свадьбой как-то дело не срослось. Рыжий десятник весь в делах да в походах — о свадьбе подумать некогда. К тому же и большак, дед Коряга — старшой в семействе Звениславы — Велимудра не очень-то жалует. Ну и что с того, что десятник, — ведь гол как сокол! Ни богатства за ним, ни рода влиятельного, один Михайла-сотник. А что сотник? Сотник — человек воинский, сегодня есть и при власти, а завтра, может, и сгинет где, вражеский меч либо стрелу словит. Иное дело — Арсений Лодочник. Ну да, почти что изгой... Но уже и при серебришке... А давно ли начал? И что с того, что Звенислава лицо воротит? Зато дед Коряга зажиточных людей очень даже уважает. Только надобно ему зажиточность ту показать.

Вот Лодочник и показывал. Третьего дня встретил на рынке у пристани зависимого человечка Корягиных — Ефимку-рядовича, парня молодого да ушлого. Тот хомуты покупал да прочую упряжь, чего в семействе